
Представители сельских сословий в расправах центральной России в конце XVIII в.

Виталий Воропанов

**Deputies of the rural estates in *raspravas* (local administrative offices)
of Central Russia, late eighteenth century**
*Vitaliy Voropanov (Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Cheliabinsk branch)*

Новые штаты судебных органов, утверждавшиеся Екатериной II в 1775–1785 гг., учитывали удельный вес различных категорий крестьян в провинции. Так, в 13 губерниях Центральной России действовали уездные суды (в каждом из 174 уездов), юрисдикция которых распространялась на дворянские поместья, и 80 нижних расправ, открывавшихся по усмотрению генерал-губернаторов для суда над однодворцами, ямщиками, государственными, экономическими и дворцовыми крестьянами (по одному суду на 10–30 тыс. человек)¹. В частности, в Калужском наместничестве были созданы 3 нижние расправы, в Костромском – 4, в Московском – 5, в Тамбовском – 10².

© 2016 г. В.А. Воропанов

¹Подробнее см.: *Воропанов В.А.* Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011. С. 102–122.

²ПСЗ-И. Т. 21. № 15259; Т. 44. Ч. 2. К № 17494. Табл. VI. Штаты Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской губерний. См. также: РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 170, л. 4–8.

Допуск представителей податного населения в качестве заседателей в органы государственной власти вызывал у дворян опасения. Новгородский губернатор Я.Е. Сиверс, отмечая неграмотность и неподготовленность крестьян к работе в судах и сетуя на их неоправданное отвлечение от хозяйственных занятий, откровенно признавал, что «наиглавнейшее сумнение оказывалось в неминуемом негодовании дворянства»: «Ежели дворянство увидит, что оказанные ему при новом учреждении великие милости, доверенность и преимущество жалуются в равной мере и поселянам (по их названию мужикам), то и не почтут ли толь важными эти дары?». Кн. М.М. Щербатов решительно заявлял: «Им не делает ничего расправою ли или переправою назови, но и дело состоит, что всякое место тогда хорошо, когда дела в нём исправляются добрыми и знающими людьми, а... сего в сих расправах и быть не может». Некоторые чиновники даже не решались приступить к исполнению Высочайших повелений. К примеру, А.Т. Болотов, управлявший дворцовыми крестьянами в Тульском наместничестве, тянул с высылкой 12 поверенных до тех пор, пока не получил от генерал-губернатора кн. С.В. Гагарина разрешение не сдавать их список. Между тем в селениях экономических крестьян и однодворцев выборы состоялись³.

В ноябре 1778 г. Костромская провинциальная канцелярия организовала выборы в две верхние и четыре нижние расправы (в Костроме, Макарьеве-на-Унже, Галиче и Юрьевце). По предложению генерал-губернатора от всех сословий следовало избрать кандидатов, «которые прямо могли будучи по делам до их селений касающихся в силу законов делать защищение», «а притом бы естли можно и умеющих грамоте». В выборах не участвовали только небольшие сообщества ямщиков, татар, кирпичников, рыбаков и отписных крестьян. Поверенным следовало прибыть к 1 декабря, а жителям присоединённых к губернии суздальских и ярославских территорий – 15 декабря. Однако выборы сельских заседателей в наместничестве затянулись. Так, крестьяне Юрьевецкой округи собрались 28 декабря, а поверенные из Луховской округи, находившейся в ведении Юрьевецкой нижней расправы, прибыли лишь 23 января, когда возникла необходимость замещения вакансий в Луховском нижнем земском суде. При этом в Макарьевском нижнем земском суде экономический крестьянин И. Борисов выступал от 1 063 человек, а государственный крестьянин Н. Иванов – от 3 315⁴.

В соседнем Ярославском наместничестве в 12 уездах действовало 6 нижних расправ. На крестьянских сходах выдвигались кандидаты «состояния и поведения достойнаго», не подвергавшиеся штрафам и наказаниям, но и тут, как и в Костроме, очерёдность и посильность исполнения данной повинности играли решающую роль при отборе. Губернская администрация регулярно сталкивалась с проблемой восполнения убыли заседателей «по старости и болезни», семейным и хозяйственным причинам. Потенциальные заместители в баллотировочных списках часто отсутствовали, и для возобновления сословного представительства требовалось вновь обращаться к односельчанам лица, оставившего должность⁵. Но когда, к примеру, Даниловская нижняя расправа стала разыскивать своего заседателя К. Уртьева, не явившегося в «присутствие», и распорядилась выбрать и прислать ещё двух кандидатов от Вятской волости,

³ Павлова-Сильванская М.П. Создание в 1775 году сословных судов для крестьян // Вестник Московского университета. Сер. История. 1963. № 3. С. 71–72.

⁴ Государственный архив Ярославской области (далее – ГА ЯО), ф. 72, оп. 1, д. 126, л. 1–5, 18, 21 об., 35.

⁵ Там же, ф. 143, оп. 2, д. 50, л. 1–18; д. 52, л. 1–12; д. 67, л. 1; д. 224, л. 1–18.

волостной староста рапортовал об «отягощении» поселян, уже направивших в расправу двух человек (включая того же Уртьева). По его словам, около 500 вятчан разошлись по «плакатным паспортам» на заработки в города, «а оставшиеся в наличности для хлебопашества крестьяня имеются семействами весьма одинакия и к той законной должности неспособныя». В результате исполнение почётной повинности переложили на экономические вотчины Любимского уезда. Уртьева, невнятно объяснявшего свой уход «в приличившемся ему в болезни безумстве», оставили «по прежнему на крестьянском жеребье», но старосте расправа указала, «чтоб ево впредь ни в каковые выборы не выбирать»⁶.

После того как в мае 1780 г. один из членов Ярославской верхней расправы умер «от многого употребления горячего вина», Даниловский и Любимский нижние земские суды 24 мая оповестили общины дворцовых и экономических крестьян о необходимости проведения внеочередных выборов, однако поверенные из Любимской округи не явились в установленный срок в соседний уездный центр. 10 июня нижний земский суд повторил своё требование, но только 7 июля смог отрапортовать губернскому начальству об успешном «баллотировании» двух кандидатов⁷. Уклонение заседателей от исполнения служебных обязанностей с момента открытия расправ приобрело регулярный характер. Социальный статус крестьян, призванных осуществлять правосудие, оставался низким, должность – лишённой престижа.

Не случайно конфликты возникали и в тех случаях, когда сословные представители пытались ревностно исполнять судебные функции. Так, в мае 1779 г. заседатель Угличской нижней расправы Т.С. Кривдин отказался подписывать документы суда, заявив: «Чтоб всякой журнал был справедлив и согласен с законами чего ради каждую в тех журналах записку намерен был прочитывать я сам для того что никогда пред присутствием журналы в той росправе не читаны а толко кладены были на стол для подписания накопляя их чрез месяц или более». Возмущённый этим секретарь П.А. Лебедев обругал несговорчивого заседателя, называя его «мошенником, сукиным сыном, канальею», чем, как справедливо полагал Кривдин, «обезчестил» не только его, но и «присутственное место». При этом приказнослужители полностью поддерживали секретаря. Канцелярист Сахарутин, по словам Кривдина, пренебрежительно говорил заседателю: «Тебе ли меня подтверждать я тебя в тысячу раз больше разумею и беру жалованья болши». «Какой ты судья, – негодовал он, – здесь ты судья называешься а в Ярославле тебя етоково судью будут резать на подошвы». Генерал-губернатор поручил дворянскому предводителю примирить стороны, однако Лебедев, угрожая заседателю наказанием за жалобу, заметил, что, как «офицер, имеет патент», и прежде чем станет «пред мужиком на колени», с него следует «чины снять». Объявив отъезд Кривдина беспричинным отсутствием, расправа рапортовала в наместническое правление о его проступках и грубом характере. В Ярославле крестьянина не приняли. 10 февраля 1780 г. Кривдин был освобождён от обязанностей «якобы беспокойный и непонимающий силы установленных законов и якобы неуважающий должности своей к чему избран». В 1780–1781 гг. он тщетно обращался к генерал-губернатору и в Сенат, жалуясь на необоснованное увольнение от должности и наложенный на него на основании рапорта расправы штраф. Не найдя защиты в столице и не заплатив в 1781 г. часть налогов, Кривдин вступил в тяжбу с соседями в Рыбной слободе и оказался под стражей «за недачею объяснения». Однако наместни-

⁶ Там же, д. 64, л. 1–20.

⁷ Там же, д. 224, л. 1–18.

ческое правление потребовало освободить бывшего заседателя и оградить его от унижений⁸. Впоследствии деятельность расправы вошла в обычные рамки. Имена её судьи Н.А. Нилова, заседателей Г. Андреева и И. Балужева встречаются в документах двух следующих трёхлетий⁹.

В 1780-е гг. крестьяне часто старались переизбрать на должности тех, кто сумел освоиться среди чиновников, или выбирать отставных офицеров. В 1790–1792 гг. в первом (уголовном) департаменте Ярославской верхней расправы выборщики оставили 4 из 5 заседателей, включая прапорщика И. Степанова. Новым её членом стал прапорщик И. Алексеев, получивший 27 голосов из 33 и уступивший Степанову, но опередивший кандидатов из крестьян. Полностью крестьянскими были второй (гражданский) департамент и нижняя расправа. В нижний земский суд 26 и 25 голосами против 7 и 8 соответственно были переизбраны поручик С. Семёнов и Д. Андреев. В Борисоглебский нижний земский суд вновь поступили флотский лейтенант и прапорщик. «И того, – как говорилось в типовом отчёте о сословных выборах, – ис прежде бывших заседателей выболтировано 16 человек. Да из вновь присланных 4 человека»¹⁰.

Гораздо более активны были потомки служилых людей, массово проживавшие на территориях, некогда представлявших собой южные рубежи России. Только в Белгородской губ. их насчитывалось свыше 200 тыс. душ. При этом интересы отдельных категорий однодворцев были весьма различны и во многом обусловлены их происхождением (что ярко проявилось в их наказах депутатам Уложенной комиссии). Сказывались также масштабы помещичьих захватов, размеры повинностей и обеспеченности землёй. Так, в Орловской провинции многочисленные потомки детей боярских часто ссылались на высокий статус предков и решительно протестовали против уравнивания с крестьянами. В Севской провинции, где преобладали потомки стрельцов, пушкарей, копейщиков, рейтар, солдат, иных групп служилых людей, требования оставались более умеренными. В то же время однодворцы единодушно просили возвращения поместных прав, разрешения на покупку казённых земель или переселение на удобные для ведения хозяйства окраины, а также проведения объективно-го межевания, охраны недвижимой собственности путём запрета на захват и покупку сословных земель, сурового наказания нарушителей их прав и проч.¹¹ В царствование Екатерины II положение однодворцев явно улучшилось, как и отношение к ним губернской администрации. Характерно, что 22 февраля 1780 г. орловский и курский генерал-губернатор кн. А.А. Прозоровский запретил скупку земельных участков из сословного фонда однодворцам, имевшим офицерские чины. «Должностию мою поставляю, – сообщал он в нижние земские суды, – отвратить и предупредить расхищение однодворческих, следовательно и казённых земель». Прошения, отстаивавшие дворянское достоинство предков, внимательно рассматривались в губернской канцелярии¹².

В Орловском наместничестве однодворцы порою вытесняли крестьян из состава судебных представителей, заместив, в частности, в 1782 г. 11 из 12 вакансий в совестном суде и верхней расправе (при этом в должностях оста-

⁸ Там же, ф. 72, оп. 1, д. 168, л. 1–15.

⁹ Там же, оп. 2, д. 279, л. 3; ф. 77, оп. 1, д. 468, л. 9.

¹⁰ Там же, ф. 72, оп. 2, д. 1587, л. 1–2.

¹¹ Подробнее см.: *Белявский М.Т.* Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М., 1984. С. 10–74; *Ланто Ф.И.* Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. № 35. 1950. С. 232–264.

¹² Подробнее см.: Орловская старина. Исторические сведения об Орловской губернии. Извлечены из архивов А. Пупаревым. Т. 1. Орёл, 1872. С. 191–193, 219.

лись пятеро прежних судей, участвовавших в «баллотировании» с согласия депутатского собрания)¹³. В июне заседателя уголовного департамента бывшего монастырского служителя А.Ф. Жигальцова, зачисленного сверх штата в канцелярию расправы, заменил однодворец из Елецкой округи Н.Ф. Чернов¹⁴. В том же году в состав Орловской расправы вошли однодворцы Малоархангельской и Орловской округ, в Елецкую, ведавшую Елецкой и Ливенской округами, дополнительно избрали ямщика (всего в 13 уездах Орловского наместничества действовали 6 нижних расправ). Среди 18 заседателей нижних земских судов находилось 7 крестьян и 2 ямщика¹⁵. Активно участвовали в уездных выборах и однодворцы, казаки, стрельцы и пахотные солдаты Тульской губ.¹⁶ Любопытно также, что в 1779–1781 гг. трое из четырёх однодворцев второго департамента указали в собственности от 9 до 13 душ, а ямщик И.А. Кривошеев заявил при опросе: «крестьян не имею»¹⁷.

Судебные представители однодворцев демонстрировали высокий уровень самосознания. «Государственные законы знаю и в противность оных не чинил... И в сих ответах показал я самую сухую правду, и естли что утаил, то подвергаю себя всей строгости законов», – заявлял на допросе 26-летний Е.Я. Кононов, уволенный в августе 1787 г. с должности заседателя Малоархангельского нижнего земского суда в связи с обвинением в нарушении правил производства следственных действий¹⁸. Обыватели незамедлительно жаловались на неправомерные распоряжения, подвергая чиновников риску денежных взысканий и уголовного преследования. Так, в июле 1791 г. за «несоответственные законам поступки» был оштрафован на 50 руб. малоархангельский исправник А. Оловенников, собиравший с однодворцев по 15 коп. на нужды почтовой службы¹⁹.

О заинтересованности высшего слоя государственных крестьян в обращении к «официальному правосудию» свидетельствовала и масса прошений, поступавших от них в суды всех инстанций. В 1779–1796 гг. в Орловской гражданской палате разбиралось не менее 2 300 дел, фигурантами которых в подавляющем большинстве случаев выступали помещики, закреплявшие или отстаивавшие права на имущество, и однодворцы²⁰. Их активность не снизилась и после 1796 г.²¹ Схожая ситуация наблюдалась и в соседней Тульской губ.²² Настойчивость однодворцев была особенно заметна на фоне пассивности прочих крестьян, неизменно проявлявших безразличие к отношениям с органами власти и сохранявших глубокую приверженность обычному праву и «мирскому правосудию».

Между тем лишь сравнительно небольшое количество исков, подававшихся крестьянами, позволяло судам соблюдать сроки, установленные для рассмотрения дел²³. Так, в 1786 г. в Ярославской верхней расправе числилось

¹³ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 826, оп. 1, д. 30, л. 12–16 об.

¹⁴ Там же, д. 153, л. 1–34.

¹⁵ Там же, д. 30, л. 17–17 об., 19–20 об., 24, 26–28.

¹⁶ Государственный архив Тульской области (далее – ГА ТО), ф. 54, оп. 1, д. 1643, л. 3–18; ф. 2289, оп. 1, д. 32, л. 2.

¹⁷ ГА ОО, ф. 826, оп. 1, д. 91, л. 1–7.

¹⁸ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 325, л. 9–21 об.

¹⁹ Там же, д. 324, л. 1–3.

²⁰ Там же, ф. 6, оп. 1, т. 1, с. 1–157; т. 2, с. 1–49.

²¹ Там же, ф. 19, оп. 1, с. 36–48.

²² ГА ТО, ф. 1586, оп. 1, с. 7–23; ф. 2283, оп. 1, с. 14–26.

²³ ГА ОО, ф. 6, оп. 1, д. 1599, л. 2–8 об.; ф. 826, оп. 1, д. 313, л. 1–7; д. 730, л. 1–20; д. 762, л. 249–270; д. 957, л. 1–38, 52–66, 71–97 об.

231 дело, в том числе в гражданском департаменте – 96, продолжались 11 (4.8%) дел; в 6 нижних расправах Ярославского наместничества тогда же находилось 475 дел, к январю 1787 г. продолжались 47 (9.9%)²⁴. В феврале 1787 г. Даниловская нижняя расправа указала в отчёте 13 дел, Рыбинская – 19, Угличская – 21²⁵. Ко второму сроку заседаний Ярославской нижней расправы в 1789 г. неоконченными «за неполучением справок» оставались 7 гражданских дел²⁶. В январе 1795 г. Ярославская нижняя расправа отчиталась о прекращении производств по трём делам из девяти, в конце декабря сообщила о продолжении 12²⁷.

Удавалось соблюсти сроки производства по делам и в расправах Орловского наместничества. К июню 1787 г. за «нижними местами» (судами общей подсудности первого звена) губернии числились 124, а за «верхними» – 83 дела²⁸. В 1790 г. во втором департаменте Орловской верхней и в шести нижних расправах наместничества находились 214 дел имущественного характера, по 172 делам (80.4%) судьи вынесли решения²⁹. К 1792 г. в Елецкой расправе рассматривалось пять дел: по обвинению малороссиянина М. Матвеевкова «в брани и в бое» мещанина С. Толева, по жалобе помещицы об избиении однодворцами её крестьян, а также споры однодворцев между собой и с помещиком о земле и лесных угодьях. В Кромской расправе с августа решали вопрос о выделе истцу (помещику) 100 четвертей из «дикого поля» и размежевании его земли с однодворцами из деревни Хмелевой. Трубчевская расправа сообщила о двух делах, Мценская – о трёх, Севская – о шести, Орловская – о 14 (взыскания по вексялям, земельные тяжбы, споры о наследовании имущества, сжатом овсе, скошенном сене, порубленном лесе, претензии на дворянское достоинство, личные обиды и т.д.)³⁰. Изредка рассмотрение дела затягивалось на годы. В 1794 г. в производстве Елецкой нижней расправы было 65 дел, к январю 1795 г. продолжались два, в Кромской расправе судьи разрешили девять дел, в Мценской – 6 из 15, в Севской – 40 из 45, Трубчевской – 7 из 12. В Орловской расправе к январю 1795 г. скопились 30, а к ноябрю – 79 дел. К декабрю в Орловской расправе находились 77, в Елецкой, Мценской, Севской и Трубчевской – по 5 дел³¹.

Таким образом, в Ярославской губ. уклонение заседателей от исполнения служебных обязанностей с момента открытия расправ приобрело регулярный характер. Должность заседателей была лишена какого-либо престижа, а само судебное представительство превращалось в фикцию. В Орловской губ. социальная активность и высокий уровень группового самосознания позволили однодворцам стабильно замещать большинство предоставленных должностей, продуктивно использовать новый правозащитный механизм для урегулирования как внутрисословных имущественных вопросов, так и материальных конфликтов с помещиками-дворянами. Регулярное переизбрание в должности закрепляло социальные преимущества однодворческих представителей.

²⁴ ГА ЯО, ф. 72, оп. 2, д. 814, л. 1–10.

²⁵ Там же, д. 1088, л. 2, 42, 52 об.

²⁶ Там же, ф. 145, оп. 1, д. 8, л. 1–4.

²⁷ Там же, д. 80, л. 5, 89–91 об. См. также: там же, ф. 72, оп. 2, д. 277, л. 12; ф. 143, оп. 1, д. 637, л. 1; д. 80, л. 5, 89–91 об.

²⁸ ГА ОО, ф. 826, оп. 1, д. 606, л. 1.

²⁹ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1599, л. 2–8 об.

³⁰ Там же, ф. 826, оп. 1, д. 762, л. 249–270.

³¹ Там же, д. 957, л. 1–38, 52–66, 71–97 об.; д. 313, л. 1–7; д. 730, л. 1–20.